

Даниель Дефо

Счастливая куртизанка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д39

Д39 **Дефо Д.**
Счастливая куртизанка / Даниель Дефо – М.: Книга по Требованию, 2012. – 262 с.

ISBN 978-5-4241-1673-5

Английский писатель и журналист Даниель Дефо создал за свою жизнь более трехсот пятидесяти произведений самых разных жанров, но в историю мировой литературы вошел как автор бессмертного «Робинзона Крузо». Романы Дефо написаны в форме мемуаров или автобиографий, это «Полковник Джек», «Молль Флендерс», «Капитан Сингльтон» и «Роксана». Даниель Дефо предоставляет читателю возможность проследить историю жизни своих героев со всеми их, часто удивительными, коллизиями.

Блестящая при дворе Роксана имеет за плечами темное прошлое. Ради достижения своей цели она готова на все и, движимая честолюбием, идет даже на преступление.

ISBN 978-5-4241-1673-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Дефо Даниэл
Счастливая куртизанка

Даниэль Дефо

Счастливая куртизанка,

или

история жизни и всевозможных превратностей судьбы
мадемуазель Де Бело, впоследствии именуемой
графиней де Винцельсгейм германской, она же особа,
известная во времена Карла II под именем леди Роксаны

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

История этой красивой дамы достаточно красноречива; и если изложение ее уступает в изяществе и красоте наружности той, о ком идет рассказ, - а она, если верить молве, была истинной красавицей, - если повествование о ее жизни не столь занимательно, как того хотелось бы читателю, и если наиболее занимательные места недостаточно назидательны, то винить во всем этом следует одного лишь рассказчика. Краски, какие он избрал для своего повествования, надо полагать, во многом уступают яркости нарядов, в коих угодно было являться миру особе, от лица которой он говорит.

Рассказчик берет на себя смелость утверждать, что повесть сия отличается от большей части современных произведений этого рода, хоть многие из них были приняты публикой благосклонно. Итак, главное отличие нашей повести в том, что она основанием своим имеет доподлинные происшествия, или, иначе говоря, читателю предлагается собственно не повесть, а история человеческой жизни.

Места, где разыгрываются главные события этой истории, тая близки местам, избранным рассказчиком, что он вынужден скрыть имена действующих лиц из опасения, как бы обитатели тех мест, в памяти которых еще не вовсе изгладились описываемые происшествия, не узнали подлинных участников этих происшествий.

Особой нужды выводить участников доподлинной истории под их истинными именами нет, меж тем как обнаружение самой этой истории безусловно служит к пользе; и если бы перед нами всякий раз ставилось условие: либо представлять всех участников истинных происшествий под их собственными именами, либо вовсе отказаться от описания их - сколько прелестных и занимательных историй так никогда бы и не увидело света! Скольких удовольствий - не говоря о пользе - был бы лишен читатель!

Будучи самолично знаком с первым мужем этой дамы - пивоваром***, а также с его отцом и досконально зная печальные обстоятельства, выпавшие на долю этой семьи, рассказчик всецело ручается за правдивость первой части предлагаемой истории и склонен - в этом видеть залог того, что и остальная ее часть достойна доверия; правда, описанные в ней события имели место главным образом в заморских краях, и поэтому не поддаются проверке, тем не менее, поскольку мы об этих событиях узнаем с собственных слов особы, о которой идет речь, у нас нет оснований сомневаться в их достоверности.

Из ее бесхитростного рассказа видно, что она не стремится ни оправдывать свои поступки, ни, тем более, советовать другим следовать ее примеру в чем-либо, кроме ее чистосердечного раскаяния. В многочисленных отступлениях, - коими она перебивает свой рассказ, она сама себя осуждает и клеймит с жесточайшей суровостью. Как часто и с какой неподдельной страстью казнит она себя, тем самым внушая нам справедливый взгляд на ее поступки!

Это верно, что, следуя дорогами порока, она достигает неслыханного успеха; однако, даже достигнув вершины земного благополучия, она то и дело признается, что радости, доставшиеся ей несправедливым путем, - ничто перед муками раскаяния и что ни утехи богатства, в котором она, можно сказать, купалась, ни пышные наряды и выезды, ни даже почести, которыми она была окружена, - не даровали ее душе долгожданного покоя и не позволяли ей забыть ни на час в те бессонные ночи, когда она к себе обращала слишком заслуженные укоры.

Благочестивые размышления, на какие наводит читателя эта часть повести, полностью оправдывают ее обнаружение, ибо заставить людей глубоко задуматься и есть та цель, коею задался рассказчик. И если, излагая свою историю, не всегда можно обойтись без описания порока во всей его неприглядности, рассказчик просит читателя поверить, что он приложил все усилия к тому, чтобы избежать непристойных и нескромных оборотов; он надеется, что вы здесь не найдете ничего такого, что могло бы служить к поощрению порока, и что, напротив, убедитесь, что порок повсеместно представлен в самом неприглядном виде.

Картины преступлений, какими бы красками их ни рисовать, всегда могут склонить порочную душу на дурное; однако если порок и представлен здесь во всем его пестром оперении, то сделано сие не соблазна ради, но затем, чтобы полностью его развенчать; и не вина рассказчика, если, залюбовавшись представленной картиной, читатель сделает из нее неподобающее употребление.

Впрочем, мы исходим из того, что человек, чем он благонравнее, тем более стремится к совершенствованию своей добродетели; к тому же преимущества предлагаемого труда очевидны, и читатель, посвятив ему часы досуга, проведет время с приятностью и пользой.

Я родилась, как мне о том сказывали родные, во Франции, в городе Пуатье {1}, в провинции, или, по-нашему, - графстве Пуату. В 1683 году или около того родители привезли меня в Англию, ибо, подобно многим другим протестантам, они были вынуждены бежать из Франции, где подвергались жестоким преследованиям за свою веру {2}.

Не очень понимая, а, вернее, совсем не понимая причин нашего переезда, я была весьма довольна своим новым местожительством. Большой веселый город, Лондон пришелся мне по вкусу. Я была еще дитя, и многолюдие меня тешило, а нарядная толпа восхищала.

Из Франции я не вынесла ничего, кроме языка этой страны. Отец мой и мать принадлежали к более высокому кругу, нежели те, кого принято было в ту пору называть беженцами: они покинули Францию одними из первых, когда еще можно было спасти свое состояние; отец мой умудрился загодя переправить сюда то ли крупную сумму денег, то ли, помнится, большую партию каких-то товаров - французского коньяку, бумаги {3} и еще чего-то; все это ему удалось продать с большой выгодой, так что к нашему приезду в его распоряжении был немалый капитал и ему не пришлось обращаться за помощью к своим поселившимся здесь ранее соотечественникам. Напротив, наш дом постоянно осаждали голодные толпы жалких беженцев, покинувших свою страну - кто в силу убеждений, кто по другим каким причинам.

Помню, как отец мой говорил, что среди множества одолевавших его людей были и такие, кого мало заботили вопросы вероисповедания и кому на родине не

грозило ничего, кроме голода. Наслышанные о радушии, с каким в Англии привечают иностранцев, о том, как легко здесь найти работу, как, благодаря доброй попечительности лондонцев, приезжих всячески поощряют поступать на мануфактуры - в Лондоне и его окрестностях, в Спитлфилдсе, Кентерберии {4} и других местах - и еще о том, насколько лучше заработки здесь, нежели во Франции и прочих странах, они прибывали целыми полчищами в поисках того, что именуется средствами к существованию.

Как я уже говорила, отец мой сказывал, что среди домогавшихся его помощи было больше людей этого рода, нежели истинных изгнанников, коих совесть, к великой их печали, понуждала покидать отчизну.

Мне было около десяти лет, когда меня привезли сюда, где, как я уже говорила, мы жили, не ведая нужды, и где - спустя одиннадцать лет по переезде нашем - отец мой умер. За этот срок, поскольку я предуготовляла себя для светской жизни, я успела, как это принято в Лондоне, познакомиться кое с кем из соседей. Я подружилась с двумя-тремя ровесницами и сохранила их дружеское расположение и в более поздние годы, что немало благоприятствовало моим дальнейшим успехам в свете.

Училась я в английских школах и, будучи в юных летах, без труда и в совершенстве усвоила английский язык, а также и все обычаи, которых придерживались английские девушки. Так что от французского во мне не оставалось ничего, кроме языка; разговор мой, впрочем, не изобиловал французскими оборотами, как то случается у иностранцев, и я не хуже любой англичанки говорила на самом, можно сказать, натуральном английском языке.

Поскольку мне приходится себя рекомендовать самой, я надеюсь, что мне позволительно говорить о себе с полным, насколько это возможно, беспристрастием, как если бы речь шла о постороннем мне лице. Лыщу ли я себе или нет, судите по моему рассказу.

Итак, я была (достигнув четырнадцати лет) девицей рослой и статной, во всем, что касалось житейских дел, смышленной, за словом, как говорится, в карман не лезла и острой - что твой ястреб; немного насмешлива и скоро на язык, или, как говорят у нас в Англии, развязна; однако в поступках своих не позволяла себе выходить за рамки приличия. Будучи по крови французенкой, я танцевала, как природная танцовщица, и танцы любила до страсти; голосом тоже обижена не была и пела - да так хорошо, что (как вы увидите из дальнейшего) это умение сослужило мне немалую службу. Короче, у меня не было недостатка ни в красоте, ни а уме, ни в деньгах, и я вступала в жизнь со всеми преимуществами, обладая которыми молодая девица может рассчитывать на всеобщее расположение и счастливую жизнь.

Когда мне минуло пятнадцать, отец, положив мне в приданое 25 000 ливров (он привык считать на французские деньги), по-нашему же - две тысячи фунтов {5}, выдал меня за крупного лондонского пивовара. Прошу прощения за то, что не раскрываю его имени, ибо, хоть он и был главным виновником моей гибели, я все же не могу отважиться на столь жестокую месть.

С этим-то существом, именуемым мужем, я прожила восемь лет в полном достатке; какое-то время я даже держала собственный выезд, вернее, подобие его, ибо. в будние дни лошади запрягались в телегу, а по воскресеньям я могла ездить в своей карете в церковь или еще куда - с согласия мужа. Впрочем, согла-

сия-то как раз между нами почти не бывало. Но об этом после.

Прежде чем приступить к описанию той эпохи моей жизни, что я провела в законном браке, позвольте мне дать столь же беспристрастный отчет о характере моего мужа. Это был славный малый, красавец и весельчак, словом, дружок, о каком всякая женщина, казалось бы, может только мечтать: хорошего сложения, рослый, пожалуй, даже немного чересчур - впрочем, не настолько, чтобы казаться неуклюжим, и прелестный, танцор. Последнее обстоятельство, должно быть, и послужило главным поводом к нашему сближению. Делами пивоварни прилежно и старательно занимался его отец, так что собственные его обязанности сводились к тому, чтобы время от времени наведываться в контору. Не будучи обременен заботами, он не утруждал себя ничем, я ходил по гостям, бражничал с приятелями да предавался своему любимому занятию - охоте.

Красивый мужчина и превосходный охотник - вот вам и весь его портрет! Я же, подобно многим молодым девицам, выбрав себе спутника жизни за красивую наружность и веселый нрав, оказалась несчастна, ибо во всех остальных отношениях это был самый пустой, самый никчемный и необразованный мужчина, с каким когда-либо женщине доводилось связать свою судьбу.

Здесь я должна сделать небольшое отступление и - как бы я ни осуждала себя за дальнейшее - позволю себе обратиться к моим молодым соотечественницам со следующим предостережением: сударыни, если вам сколько-нибудь дорого ваше благополучие, если вы рассчитываете на счастливое супружество, если надеетесь сохранить - а в случае беды восстановить ваше достояние, - не выходите замуж за дурака. За кого угодно - только не за дурака! Конечно, никто не может поручиться, что вы будете счастливы в браке, за кого бы вы ни вышли, но что вы будете несчастливы, если вступите в брак с дураком, это уже наверно. Да, с умным человеком можно оказаться несчастливой, но быть счастливой с дураком - никогда! Он не в состоянии, даже если бы захотел, оградить вас от нужды и лишений; что он ни делает все невпопад, что ни скажет - нестати. Всякая мало-мальски благоразумная женщина двадцать раз на дню почувствует, как он несносен. В самом деле, что может быть хуже, чем краснеть всякий раз, как этот пригожий, статный малый откроет рот на людях? Слышать, как другие мужчины высказывают разумные суждения в то время, как твой муж сидит, словно воды в рот набрал? Но и это еще полбеды - а каково слышать дружный смех окружающих, если он вдруг пустится в разглагольствования?

К тому же разновидностей дураков на свете столь великое множество, разнообразие этой породы столь безгранично и невообразимо, и определить, какой вид ее наихудший, так трудно, что я вынуждена сказать: никаких дураков нам не надобно, сударыни, ни бесшабашного дурака, ни степенного болвана, ни благоразумного, ни безрассудного! Нет, всякая судьба предпочтительнее, чем участь женщины, которой в мужья попался дурак, - лучше провековать в девицах, нежели связать свою судьбу с дураком!

Со временем нам придется вернуться к этому предмету, покуда же его оставим. Моя беда была тем горше; что человек, который мне достался, совмещал в своем лице несколько, разновидностей дурака одновременно.

Он был, во-первых, - и это совсем нестерпимо - дураком самодовольным, tout ormiatre {Страшно упрямым (франц.)}; в каком бы обществе он ни находился, какое бы суждение при нем ни высказывалось - пусть самым скромным,

непритязательным тоном - мой молодчик должен непременно выскочить со своим мнением; и уж, разумеется, оно было единственное правильное и дельное! Когда же доходило до обоснования своего суждения, он нес такую околесицу, что всем становилось неловко.

Во-вторых, он был упрям и несгибаем; чем глупее и несообразнее мысль, которую он выскажет, тем упорнее он ее отстаивает. Это делало его совершенно невозможным.

Названных двух свойств, даже если бы у него не было Других, оказалось бы довольно, чтобы сделать его несноснейшим из мужей, так что всякому, я думаю, очевидно, каково мне было с ним жить. Впрочем, я не падала духом и больше отмалчивалась - это был единственный способ его одолеть. Какой бы вздор он ни нес, о чем бы ни заводил речь, я не отвечала и не спорила с ним, и тогда он приходил в невообразимую ярость и выбегал из комнаты. А мне только того и надо было.

Перечень всех уловок, к которым мне приходилось прибегать, чтобы сделать существование с этим невозможным человеком сколько-нибудь сносным, отняло бы слишком много времени, а примеры показались бы слишком ничтожными. Упомяну лишь некоторые из них и в тех местах моего повествования, где описываемые события этого потребуют.

Примерно на пятом году моего замужества умер отец - матушку же я схоронила много прежде. Отец был так недоволен моим браком, поведение моего мужа так его огорчало, что, хоть он и отказал мне в завещании больше 5 000 ливров {6}, однако сумму эту повелел вручить моему старшему брату с тем, чтобы тот сберег ее для меня. Брат же, пустившись в чересчур рискованные торговые спекуляции, в конце концов обанкротился {7}, из-за чего потерял не только свои собственные деньги, но также и мои. Но об этом речь впереди.

Таким образом я лишилась всего, что мне причиталось от отцовских щедрот, - и это по той простой причине, что вышла замуж за человека, которому отец мой не решился довериться. Вот достойная награда женщине, связавшей свою судьбу с дураком!

Два года спустя после смерти моего отца умер также и мой свекор, оставив, как мне в то время казалось, изрядное прибавление к нашим капиталам, ибо с его смертью все доходы от пивоварни - а дела ее процветали - перешли к мужу.

Однако это увеличение наших доходов и послужило к его гибели, ибо деловая жилка отсутствовала у него начисто, и он был совершенным невеждой по счетной части. Поначалу, правда, он суетился в конторе, желая показать себя деловым человеком, но вскорости опять все запустил. Проверять счета он почитал ниже своего достоинства, целиком доверялся конторщикам и счетоводам. Покуда у него были наличные, чтобы рассчитываться с поставщиками солода и со сборщиком налогов, да водились в кармане денежки, он и в ус не дул; как получится, так и ладно!

Предвидя, чем все это кончится, я несколько раз принималась его урезонивать, побуждая прилежнее вникнуть в дела. Я говорила ему и о многочисленных жалобах клиентов на его служащих и о том, что из-за недобросовестности его управляющего он из кредитора превратился в должника, но на мои увещания он отвечал либо грубостью, либо враньем, представляя мне положение дел в ином свете, нежели то, в каком они находились в действительности.

Словом, чтобы покончить с этой скучной историей, которая и длилась-то совсем недолго, он вскоре обнаружил, что торговля его хиреет, капитал тает, и что; короче говоря, он не в состоянии вести дело дальше. Раза два ему даже пришлось за неимением наличных денег отдать весь инструмент пивоварни в счет налога, а последний раз, когда это случилось, он с превеликим трудом его выкупил.

Перепугавшись не на шутку, муж мой решил отказаться от дела, о чем, по правде сказать, я не очень-то сокрушалась, понимая, что если он не передаст его в другие руки по своей воле, он будет к тому вынужден обстоятельствами, иначе говоря, обанкротится. К тому же я хотела, чтобы он избавился от пивоварни, покуда у него оставалась еще какая-то доля капитала, и меня не раздели до нитки и не выгнали на улицу с детьми - а надо сказать, что к этому времени супруг мой подарил мне целых пять душ - единственное дело, к какому пригодны дураки!

Итак, когда ему удалось сбыть кому-то свою пивоварню, я почувствовала великое облегчение. После того, как он выплатил все свои долги до единого, для чего ему пришлось выложить изрядную сумму, он остался при двух или трех тысячах фунтов. Нам пришлось расстаться также и с нашим домом подле пивоварни, и мы переехали в ***, небольшое селение, отстоящее примерно на две мили от городской черты. Принимая в соображение все эти обстоятельства, я почитала за счастье, что нам удалось так легко отделаться, и, обладая мой красавец хоть крупницей здравого смысла, я бы и до сей поры не знала, что такое нужда.

На оставшийся капитал или на часть его я предлагала купить дом: для такой покупки я была готова присоединить свои деньги, в ту пору еще нетронутые; кстати сказать, если бы муж послушал тогда моего совета, я бы вероятно, и вообще-то их не лишилась, и мы могли бы жить безбедно - во всяком случае до конца его жизни. Но дурак на то и дурак, что не слушает разумных советов; не послушал и он моего и, не ударяя пальцем о палец, продолжал свое беспечное житье: по-прежнему держал множество слуг и лошадей и каждый день выезжал на охоту. Деньги меж тем таяли с часу на час, и перед моими глазами явственно встала картина нашего окончательного разорения, предотвратить которое я не имела способа.

Сколько я ни уговаривала мужа, сколько ни умоляла его переменить все напрасно. Я говорила ему, как быстро убывают наши деньги, в каком жалком положении мы окажемся, когда они кончатся совсем, но на него мои слова не производили никакого впечатления; словно одержимый, он продолжал свое, не обращая внимания на мои слезы и сетования и ни на грош не сокращая издержек на свои наряды, выезды, лакеев и лошадей, и так до самого конца, пока в один прекрасный день не обнаружил, что все его состояние равняется ста фунтам.

За какие-нибудь три года он умудрился промотать все свои деньги, причем и мотал-то он их, можно сказать, бессмысленно, в компании самых ничтожных людей, охотников да лошадиников, которые стояли много ниже его по положению. Ну, да это еще одно неперемнное свойство дурака. Дурак никогда не ищет общества человека умнее или способнее себя: нет, он знается с негодьями, пьет солод с грузчиками, словом, водит компанию с самым подлым людом.

Однажды утром в эту несчастную пору муж мне вдруг объявил, что понял, до

какого он дошел ничтожества и что решил отправиться искать счастья, куда глаза глядят. Такое, впрочем, он говорил и раньше, и не один раз, в ответ на мои уговоры образумиться, покуда не поздно, и подумать о положении, в каком находится и сам он и его семья. И я уже не обращала внимания на эти его слова, считая, что они, как и все, что он говорит, не значат ровным счетом ничего. Иной раз, когда он заводил такой разговор, я, грешным делом, даже думала про себя: "Вот и хорошо, и поезжай с богом, а то ты нас всех с голоду уморишь".

И в самом деле, объявивши о своем уходе, он весь тот день оставался дома, да и ночевал дома тоже. Но на следующее утро он вскочил ни свет, ни заря и, как всегда, - когда созывал людей на охоту, стал дуть в валторну (так он именовал свой охотничий рожок).

Это был конец августа, когда еще светает довольно рано, часу в пятом. В этот-то час я и услышала, как он вышел со двора вместе с двумя слугами и затворил за собой ворота. Он ничего не сказал мне такого, чего бы не говорил обычно, отправляясь на охоту; я даже не встала с постели и тоже ничего особенного ему не сказала; когда он отъехал, я вновь уснула и поспала еще часа два.

Читатель, верно, удивится, когда я ему объявлю, что с той самой поры я ни разу больше не видела моего мужа. Мало того, я не получила от него ни одной весточки и ни о нем, ни о его двух слугах, ни даже о лошадях их так больше ничего и не слышала; мне не удалось узнать, ни что с ними случилось, ни куда, или хотя бы в какую сторону они отправились, что делали или что намеревались делать, - они словно сквозь землю провалились. Впрочем, впоследствии кое-что обнаружилось.

Первые двое суток его отсутствие меня ничуть не удивляло, да и первые две недели тоже Я не очень беспокоилась; если бы с ними приключилась какая беда, говорила я себе, я бы о том узнала незамедлительно; а взяв в соображение еще и то, что при муже находилось двое слуг и три лошади, допустить, что все они - и люди, и животные - пропали без вести, было и в самом деле слишком уж невероятно.

Можете, однако, вообразить мою тревогу, когда прошла неделя, другая, месяц, два месяца и так далее, а о муже - ни слуху, ни духу! Я крепко задумалась о своей дальнейшей жизни: пятеро детей и - ни гроша денег на их пропитание, если не считать тех семидесяти фунтов наличными, какие у меня еще оставались, да кое-каких ценных вещей; правда, продав их, я могла бы выручить немалую сумму, но и ее не хватило бы на сколько-нибудь продолжительный срок.

Я не знала, что делать, к кому обратиться за советом и помощью; оставаться в доме, в котором мы жили, было невозможно - очень уж высока была плата, покинуть же его, не имея на то распоряжения от мужа, который мог вдруг вернуться, я тоже не решалась. Я была в полном смятении и совсем упала духом.

В таком-то унынии прошел почти год. У мужа были две сестры, обе семейные, жившие в полном достатке; были у него и другие родственники. Полагая, что они не захотят оставить меня в беде, я часто подсылала к ним узнать, нет ли у них каких вестей о моем бродяге. Однако все они дружно отвечали, что ничего о нем не знают. Я им, видно, сильно надоела своими приставаниями, что они мне и давали понять, раз от разу все более нелюбезно встречая служанку, которую я к ним посылала.

От такой обиды на душе у меня делалось еще горше; моим единственным

прибежищем были слезы, ибо не было у меня ни одного близкого человека. Я забыла сказать, что месяцев за шесть или за семь до того, как меня бросил муж, над моим братом разразилась та самая беда, о которой я упоминала ранее, а именно - он обанкротился, попал за долги в тюрьму и - что хуже, - как я о том узнала с великим сокрушением, ему предстояло после того, как он достигнет согласия со своими кредиторами, выйти из нее чуть ли не нищим.

Недаром говорят, что беда одна не приходит. Вот и со мной так случилось, муж меня бросил вскоре после того как единственный из оставшихся в живых моих родственников обанкротился и, следовательно, не мог служить мне опорой. Итак, потеряв мужа и оставшись с пятью малыми детьми на руках без каких бы то ни было средств к их пропитанию, я очутилась в положении столь ужасающем, что никакими словами нельзя описать.

У меня еще оставались - а принимая во внимание обстоятельства, в каких мы жили прежде, иначе и быть не могло, - кое-какая серебряная утварь и драгоценности. Муж мой удрал прежде, чем мы в конец обнищали, так что ему не пришлось, как обычно поступают в подобных обстоятельствах мужья, еще и ограбить меня напоследок. Но в те долгие месяцы, когда я еще рассчитывала, что он вернется, я потратила всю нашу наличность, и вскоре мне пришлось продавать одну вещь за другой. То немногое, что обладало подлинной ценностью, таяло со дня на день и перед моим мысленным взором открывалась картина мрачного отчаяния: вскоре, говорила я себе, мне придется быть свидетельницей голодной смерти моих малюток. Предоставляю судить о моем душевном состоянии женщинам, обремененным большим семейством и привыкшим, подобно мне, жить в довольстве и на широкую ногу. Что до моего мужа, я уже потеряла всякую надежду когда-нибудь, его увидеть, да хоть бы он и вернулся, разве он в силах был мне помочь? Ведь он и шиллинга бы не заработал, чтобы облегчить нашу нужду; для этого у него не было ни умения, ни хотения. С его куриным почерком он даже в писари не годился? Да что почерк - он и читать-то толком не умел! - в правописании же смыслил столько, что двух слов не мог написать без ошибки. Безделье было его величайшей услугой, он мог полчаса сряду стоять, прислонившись к столбу, и - подобно драйденовскому крестьянину {8}, что насвистывал затем, что ум его не был обременен ни единой мыслью, беспечно попыхивать своей трубкой. И это тогда, когда остатки нашего состояния уже заметно таяли, когда семья уже подстерегал голод, когда все мы, можно сказать, истекали кровью! А ему и горя было мало. Он даже не задумывался, где добудет еще один шиллинг, когда уплывет уже самый последний.

Поначалу я думала, что буду по нем тосковать, но, так как я не могла забыть его характера, утешилась гораздо раньше, чем ожидала; но все равно, с его стороны было бесчеловечно и жестоко - бросить меня так, без всякого предупреждения, даже знака не подав о своих намерениях! Но особенно меня удивило, что он не прихватил и тех жалких денег, какие у нас еще оставались, - не мог же он не знать хотя бы за несколько минут до своего бегства, что покидает дом навсегда! Ведь нужны были ему деньги, хотя бы на первое время: а он ничего не взял. Между тем я поклясться готова, что он при себе имел не более пяти гиней. Все, что я знала, это то, что он оставил на конюшне свой охотничий рожок (тот самый, что он именовал валторной), а также охотничье седло; взял же он нарядную упряжь и узорчатую попонку, которыми не имел обыкновения пользоваться, когда от-